„Кузбасс" г. Кемерово
23 АПР 1964

Сегодня 400 лет со дня рождения Вильяма Шекспира

ВЕЛИКИЙ ГУМАНИСТ

Можно смело сказать, что за всю долгую историю сценической жизни творений Шекспира они не знали столь бурной и всеоб'емлющей власти над зрителем, какую обрели в нашей стране после Октября 1917 года.

С 1917 по 1927 год в Москве состоялось 632 представления 14 пьес Шекспира; их смотрели 365.711 человек.

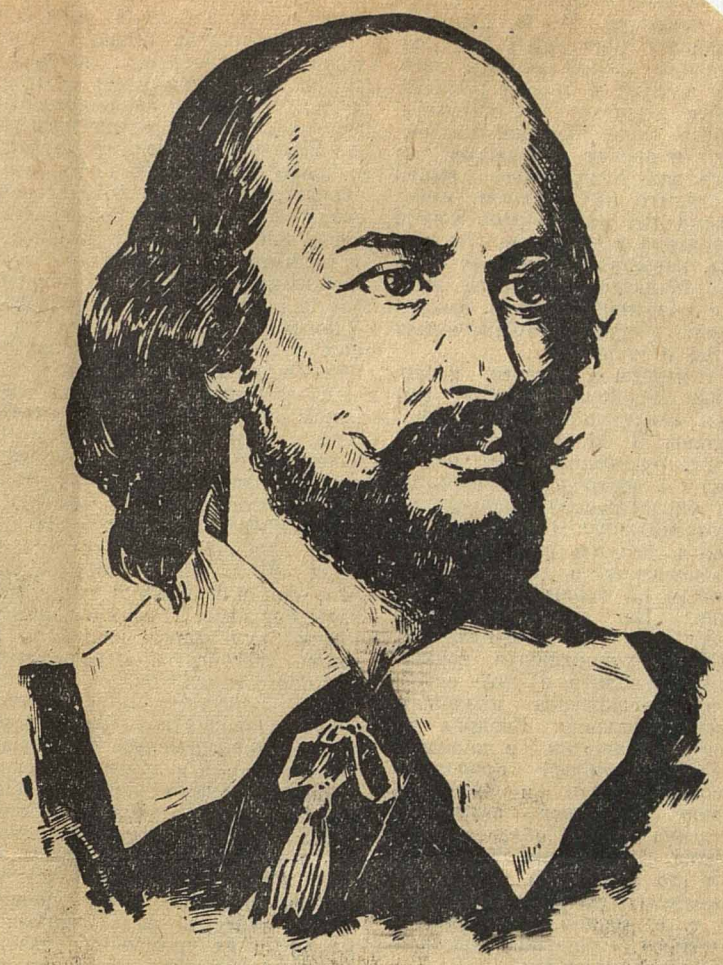
По далеко не полным данным, за 18 лет (1940—1949 и 1955—1962) драматические театры СССР 1086 раз обращались к творчеству Шекспира (кроме того, было поставлено на его сюжеты до 20 оперных и балетных спектаклей). Эти спектакли выдержали в общем 17.233 представления.

Первое место по числу постановок занимает «Отелло». Эта трагедия была поставлена на сценах 234 театров, за ней следуют «Гамлет» (152), «Ромео и Джульетта» и «Укрощение строптивой» (117), «Двенадцатая ночь» (103), «Король Лир» (87), «Много шума из ничего» (63).

Не было сезона, когда пьесы Шекспира не ставились бы на советской сцене.

Цифры за 8 лет, с 1954 по 1962 год (отсутствуют данные за 1959 год), свидетельствуют о все растущем интересе советских зрителей к творчеству Шекспира. За эти годы на сценах советских театров ставилась 21 его пьеса, шекспировские спектакли шли 8.228 раз и их смотрело без малого 5 миллионов зрителей. Следует заметить, что статистика не учитывает репертуар народных театров и самодеятельных драматических коллективов, которые также нередко обращаются к Шекспиру.

За годы Советской власти (данные по октябрь 1963 года) произведения Шекспира издавались у нас 278 раз общим тиражом 4.815.000 экземпляров.



ЗЕРКАЛО перед ПРИРОДОЙ

Я СКАЖУ о знакомстве с замечательным сценаристом, драматургом, изумительным современным режиссером и добрым другом актеров Вильямом Шекспиром.

Что и как будет со мной теперь, когда он покинул нашу с'емочную площадку,—просто не знаю.

Как он умел не только точно и вовремя подсказать нам выход из сложнейшей ситуации, спокойно указав на ее естественность и простоту, но и заботиться о здоровье актера и его настроении, всегда давая нам отдохнуть перед напряженными и особенно эмоциональными сценами. (Он был нашим товарищем по профессии и говорил, что это очень помогает ему в работе над пьесами).

Когда он ставит свои режиссерские задачи, они всегда столь ясны и конкретны, что меня берет оторопь: как же это я их сразу не приметил!

Но я не мог их сразу приметить, потому что говорил себе: ведь это же Шекспир! Он должен быть сложен, он философ.

А сложность всякий раз оказывалась в ясности и в простоте, и только в ней.

Как режиссер современной школы, он указывал нам ступеньки лестницы действия, по которой мы должны подниматься к цели, и предупреждал нас, какие капканы и соблазны расставили нам традиция, привычка и инертность на всех ее переходах и площадках. Мы собирались около него в павильоне, и он убедительно просил нас: говорите, пожалуйста... как я показывал: легко и без запинки... Кроме того, не пилите воздух вот этак руками, но всем пользуйтесь в меру. Даже в потоке, буре и, скажем, урагане страсти учитесь сдержанности, которая придает всему стройность... (Здесь он несколько задумался, очевидно, опасаясь, что мы опять его примем как-то уж очень «сложно», и, помолчав, продолжал). Однако и без лишней скованности, но во всем слушайтесь внутреннего голоса. Двигайтесь в согласии с диалогом, говорите, следуя движениям, с той только оговоркой, чтобы это не выходило из границ естественности. (На этом он особенно настаивал). Каждое нарушение меры отступает от назначения театра, цель которого во все времена была и будет держать, так сказать, зеркало перед природой, показать доблести ее истинное лицо и ее истинное — низости, и каждому веку истории — его неприкрашенный облик. Эти слова он сказал особенно серьезно, а потом добавил: — А играющим дураков запретите говорить больше, чем для них написано!

Так говорил режиссер Вильям Шекспир.

За эти долгие месяцы он учил нас добру, поискам правды, учил дорожить дружбой и хранить любовь. Учил ненавидеть серость и не обращать внимания на то, что преходяще и суетно.

Он учил бережно относиться к удивительному созданию природы — человеку.

Иннокентий СМОКТУНОВСКИЙ,
исполнитель роли Гамлета
в фильме Григория Козинцева
«Гамлет».

ЗАКОНЫ ГАРМОНИИ И КРАСОТЫ

КАК-ТО много лет назад группа учеников Леонида Мироновича Леонидова решила в порядке подготовки к постановке одной из пьес Шекспира поставить другую, менее классическую пьесу менее классического автора.

— Шекспира надо учиться играть на Шекспире, — сказал мудрый актер. И после большой паузы добавил: — А если вам уж так необходимы ступеньки к Шекспиру — ставьте Достоевского...

В этой мысли великого артиста содержится большая правда. Надо больше и чаще ставить Шекспира.

Проза и поэзия, смешное и трагическое, великое и простое соединяются гением Шекспира в единое целое. И я невольно задумываюсь: не в Шекспире ли лежат многие принципы современной эстетики театра?

Не у него ли надо учиться показывать частный случай, обыкновенную историю так, чтобы за ними вставал огромный мир человеческих страстей, жизнь народа, история, эпоха? Спрессованное, концентрированное действие, предельно обобщенные и индивидуальные характеры, напряженная интрига и философская глубина — не этого ли мы ждем от советских драматургов, не этого ли от нас ждет советский зритель?

Постичь секреты Шекспира так же сложно, как постичь законы гармонии и красоты...

Я видел много шекспировских спектаклей и у нас и за рубежом. Помпезное, оперное решение трагедий Шекспира, легковесное, опереточное решение его комедий ничем не лучше решений символико-мистических, претендующих на философичность.

Да не покажется это парадоксальным, но, по-моему, сегодня нельзя играть Шекспира, как классика. Высокий гуманизм его пьес, его огромная вера в человека, знание тончайших изгибов его душевных движений нужны нам сегодня. Шекспир может стать великолепным помощником советского театра, воспитывающим людей, готовящих себя для жизни в коммунистическом обществе. Мне кажется, что Шекспир всем своим творчеством подтверждает как высшую норму человеческих отношений наш моральный кодекс. Поэтому в Советском Союзе Шекспир обрел свою вторую родину.

Г. ТОВСТОНОГОВ,
народный артист СССР
главный режиссер
Ленинградского Большого
драматического театра
имени М. Горького

Встреча с Шекспиром

НОВОКУЗНЕЦКИЙ драмтеатр им. Орджоникидзе готовится к гастролям в столице. Он повезет туда спектакли, созданные в содружестве с местными авторами, расскажет в них москвичам, как рождался город кузнецких металлургов, как живут и работают сегодняшние шахтеры, участники соревнования за коммунистический труд, как неутомимые геологи ищут и находят нефть в сибирской тайге, переживая драматические коллизии, учась верить в большую человеческую дружбу, умея отличить и в жизни «руду дорогую» от «породы пустой».

Вместе с этими спектаклями — основой репертуара — творческий коллектив покажет еще несколько своих лучших работ. Сейчас, когда весь мир отмечает 400-летие со дня рождения Вильяма Шекспира, радостно видеть в афишах театра такие творения величайшего мастера драматургии, как «Отелло» и «Король Лир».

Трагическая история мужественного венецианского мавра была рассказана театром еще пять лет назад. С тех пор несколько раз обновлялся состав участников спектакля. Лишь в главной роли неизменно выступает один и тот же исполнитель — популярный актер А. А. Ионов. Как-то однажды довелось нам быть на заседании художественного совета театра — и он пришел туда сразу после спектакля, едва успев разгримироваться. Артист устало опустился в кресло, долго не мог включиться в общий разговор, но лицо его светилось счастьем: он только что всем сердцем соприкоснулся с Шекспиром.

Когда нынче было решено ставить к юбилейным дням «Короля Лира», нашлось немало скептиков, которые предсказывали неудачу. Репетировали очень долго. Участники спектакля далеко не сразу поверили, что добьются весомого результата. Мучалась в раздумьях и сомнениях режиссура. Исполнители снова и снова отрабатывали каждый жест, каждую реплику. Но вот пришел, наконец, день премьеры. Волновались не только непосредственные творцы спектакля, но и переполнившие зал зрители.

...Начался первый акт. Откуда-то сзади, из-за толпы придворных появился согбенный коронованный старец, приблизился к трону, горделиво уселся в нем, капризным голосом начал рассуждать о завтрашнем своем царстве:

«Мы разделили край наш
на три части.
Ярмо забот мы с наших
дряхлых плеч
Хотим переложить
на молодые
И доплестись до гроба
налегке»...

Артист П. В. Сидоров, создавший образ короля Лира, был знаком нам по многим талантливо сыгранным ролям — главным образом ролям современников. Но такого перевоплощения мы не ожидали. Исполнителю удалось очень основательно проникнуть в суть сложнейшего образа и до самого конца спектакля приковать к себе напряженное внимание зала. Зрители негодуют, видя самоуправство взбалмошного самодержавца, который осыпает милостями дочерей Гонерилью и Регану, произносящих при разделе государства льстивые, угодливые речи, и гонит прочь от себя любящую, но прямодушную и гордую младшую дочь Корделию. Зрители ждут возмездия беспутному деспоту. Это возмездие приходит. В первых столкновениях со старшими дочерьми Лир яростен, требователен, еще величав. Но вот все большие оскорбления и невзгоды сыплются на его плечи, спадают с глаз розовые очки. Он будто вновь пробуждается к жизни и, лишенный крова и куска хлеба, познает, наконец-то, какого горя исполнена судьба простых людей, его соотечественников.

«Вой, вихрь, вовсю!
Дождь, молния.
Лей, ливень!» — восклицает Лир в отчаянии. И теперь зритель уже начинает сочувствовать прозревшему старику.

Артист, мобилизуя всю силу темперамента, все мимические и голосовые данные, волнует нас стремительными переходами Лира от спокойствия к гневу, от гнева к отчаянию и почти полной утрате рассудка, наконец, — к пробуждению и к тихой радости встречи с Корделией. Надо слышать, как звучат у П. В. Сидорова эти слова жалкого в своей немощи Лира:

«Пожалуйста, не смейтесь
надо мной!
Поспорить с вами я готов,
что это —
Дитя мое Корделия»

И, наконец, последняя сцена. Корделия гибнет от вражеской руки. Меч Лира опускается на голову палача, но и сам старый король умирает. Жестоко наказаны судьбой коварные, вероломные Регана и Гонерилья, их сподвижник, циничный карьерист Эдмонд. Преданные Лиру друзья остаются в глубоком раздумье — как вывести страну из горя и позора.

Выходишь из зала полный впечатлений. Шекспировский спектакль удался театру. Успех этой постановки обусловлен не только сильно сыгранной центральной ролью. Блеснул своим дарованием артист М. А. Мармур (Шут). В устах этого персонажа трагедии звучит голос народа, голос истинной мудрости. Он предвещает время, когда мир угнетения рухнет, и на земле воцарится свобода и справедливость. Куплеты и остроумные реплики Шута актер доносит до зрителя легко, с хорошей выдумкой. Все это — плод большой работы.

Трагедия Лира переплетается в спектакле с трагедией графа Глостера, ослепленного врагами. Лишаясь зрения, Глостер (такова ирония судьбы!) стал видеть правду, понял, что прогнал от себя честного и преданного сына, поверив клеветнику. Этот глубоко трагедийный образ в сдержанной реалистической манере создает артист А. А. Ионов.

Ответственный экзамен держали все три исполнительницы женских ролей. Они достигли многого и продолжают совершенствовать игру. Порочность и жестокость Гонерильи с большим темпераментом раскрывает артистка Л. К. Лунева. Женственна, игрива и коварна Регана в исполнении артистки М. И. Галенко. Солнечна и обаятельна юная Корделия, образ которой создает артистка А. И. Константинова, добившаяся первого серьезного успеха на новокузнецкой сцене.

Есть интересные находки и у других артистов, правда, большинству предстоит продолжать поиски, шлифовать свою роль. Но дух шекспировской трагедии, ее высокий философский полет, взволнованное отношение к жизни — усвоены ими. Нельзя обойти молчанием оригинально решенную постановщиком П. П. Подервянским сцену сражения французских и английских войск (участники ее, недвижны, застыли в очень выразительных энергичных позах). Эта сцена постоянно идет под аплодисменты зала.

Зрителей Новокузнецка глубоко радует, что в дни празднования юбилея великого английского драматурга они встречаются с неувядаемыми образами одной из лучших шекспировских трагедий.

Ю. БАЛАНДИН.